

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ШАХТЕРСКАЯ ПРАВДА

№ 85 (15470)

Вторник, 1 мая 1990 года.

Издается с 11 сентября 1930 года

Выходит пять раз в неделю

(250 — в году)

Цена 3 коп.

ОРГАН ПРОКОПЬЕВСКОГО ГОРКОМА КПСС И ГОРСОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ПЕРВОМАЕМ!

Шаги солидарности

ЧТО ТАКОЕ ПРОЛЕТАРСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ? В ЧЕМ ОНА ВЫРАЖАЕТСЯ? КАКОВЫ ДАЛЬНЕЙШИЕ ПУТИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ? ОБ ЭТОМ — КОЛЛЕКТИВНОЕ ИНТЕРВЬЮ

А. КУТЛАХМЕТОВ, горный мастер разреза «Талдинский-Северный»:

— До июльских событий прошлого года мы говорили о солидарности рабочих, но это было мнимое представление о ней. Только во время забастовки каждый из нас почувствовал плечо товарища, понял, что все вместе мы представляем большую силу.

— Вы говорите о солидарности рабочих, причисляя себя к ним, хотя сами относитесь к интеллигенции. Не означает ли это, что рабочее движение включает в себя самые широкие слои трудящихся?

новление правового государства. В этой ситуации не стоит отказываться от консолидации с рабочим движением других стран. Наступит такой момент, когда мы будем свободно передвигаться в любой стране. Наши шахтеры смогут обмениваться не только по профсоюзной и политической линии. Незбежны экономические, производственные связи. Хорош тот опыт, который не где-то описан, а который перенял торняк непосредственно в шахте.

начает ли это, что рабочее движение включает в себя самые широкие слои трудящихся?

А. КУТЛАХМЕТОВ:

— Сошлюсь на зарубежный опыт. Рабочие на Западе прекрасно понимают (исторических примеров тому немало), что любое движение (национально-освободительное, антивоенное и т. д.) терпит поражение, если его не поддерживают прогрессивно настроенные слои населения, общественные течения. Другое дело, если какое-либо движение преследует варварские по отношению к народу интересы. Здесь ни о какой поддержке со стороны прогрессивных сил не может быть и речи. Скажу о рабочем движении в нашей стране. Нельзя закрыть глаза на то, что идет демократизация нашего общества, ста-

Рабочее движение:

роста

Л. КАЛУГИН, мастер - взрывник шахты имени Калинина:

— Да, такие производственные связи, несомненно, полезны. Но ими никак нельзя ограничиваться. Идет политизация рабочего движения в нашей стране, оно оформляется в общественно - политическую организацию. Это и закономерно. Оно должно противопоставить себя как реальная политическая сила правительству, если то будет действовать не в интересах народа.

— Нередко можно услышать суждения о том, что июльская забастовка была не подготовлена, шахтеров осуждают за то, что тогда они не пошли дальше экономических требований.

В. РЕСЛЕР, горнорабочий очистного забоя шахты «Тырганская»:

— Во-первых, любая забастовка, выдвигающая даже экономические требования, имеет политическую сторону. Правы те, кто говорит, что забастовочные комитеты, стихийно начавшие борьбу, не сразу пришли к выводу, что экономические требования тесно переплетаются с политическими. Но это не значит, что большинство представителей забастовочных комитетов на шахтах, других предприятиях не понимали, чем могло обернуться для нас тогда появление политических лозунгов.

Не уверен, что мои слова пророческие, но хочу, чтобы Всесоюзный съезд рабочего движения, который состоится в Новокузнецке, помог нам определиться, оформиться в реально существующую политическую организацию. Еще раз замечу, что под эгидой рабочего движения должны объединиться не только рабочие, но и все демократические силы страны.

ступени

Ф. ЗАЛЯЕВ, мастер - взрывник шахты «Зиминка»:

— Сегодня это пока нереальный шаг. Когда во время недавнего приезда немцев из ФРГ я водил их в шахту, один из них предложил обмениваться визитами. На первый взгляд, ему показалось, что у нас под землей легче работать (температура воздуха в шахте, на которой он работает в ФРГ, достигает 35 градусов). Но когда увидел, как горняки «Зиминки» работают под шумом, призадумался. Рады бы мы откликнуться на его предложение поехать и обменяться профессиональным опытом, взять у них то, что приемлемо для нас. Директор тогда сказал, что мы бы рады послать, но где взять валюту? Правда, говорят, решили пойти по пути обмена бригадами. Такая солидарность с немцами, да и с другими шахтерами, была бы только на благо.

Кандидаты в делегаты XXVIII съезда КПСС

Отстающие «учителя»

М. И. НАЙДОВ, генеральный директор НПО «Прокопьевскгидроуголь».

— Коммунисты обсуждают в основном две платформы: ЦК КПСС и Демократическую. Ваше отношение к ним?

— Если говорить в целом, то Демократическая носит более радикальный и новаторский характер, поэтому она и больше мне по душе. Созданный в стране партийно-государственный конгломерат все эти годы опирался на командно-административные методы и централизацию и в партии, и в государстве. А это значит, что практически правил балом аппарат. Причем партаппарат, не получив доверия всего народа, взял на себя распорядительные и исполнительные функции ко всем без исключения структурам общества. Одним словом — брался за все и за всех, не отвечая ни за что.

Пересматривать на мой взгляд, нужно модификацию догматической идеологии, которой КПСС руководствовалась многие десятилетия. Например, о диктатуре пролетариата, о безымянном социализме, о возрастающей роли одной партии и многое другое. Если будет принята Платформа ЦК КПСС, то думаю, что перестройки не произойдет, ибо она носит косметический характер. Заложенные в ней идеи даже более консервативные и пен-

можности. А влияние на общество будет иметь та партия, которая на практике, через своих представителей, будет способна предложить и осуществить вместе со всем народом такие преобразования, которые обеспечат им достойную и цивилизованную жизнь.

И. Г. ОСТАНИН, дежурный пульта централизованной охраны при Рудничном РОВД.

— Игорь Григорьевич, я знаю, что помимо основной работы у вас есть и общественная — вы читаете лекции в университете марксизма-ленинизма по курсу «Международное коммунистическое движение». Так вот, на ваш взгляд, в каком ряду международного движения находится сейчас наша страна?

— Мы давно отстали от международного движения из-за своей нерешительности. В странах социалистического лагеря оппозиционные партии зарегистрированы, мы только говорим о многопартийности. Там переход на рыночную экономику осуществляется быстрыми темпами, у нас пока вместо действия — слова.

Наша общая беда в том, что мы все чего-то ждем. Теперь — XXVIII съезда. Но он ничего кардинального не изменит. Единственно — произойдет раскол в партии. А надо бы со-

у многих сложилось представление, что ленинское учение ложно. Но я остаюсь верен гению Ленина как вождю рабочего и коммунистического движения. Однако это не идол, а человек с недостатками, заблуждениями, ошибками. Об этом тоже надо говорить честно.

Е. А. ГОЛУБЕВ, первый секретарь горкома партии.

— Евгений Андреевич, ваше отношение к проектам Устава и Платформы партии?

— Они запоздали и во многом отстают от мнений коммунистов. Рациональное зерно есть в каждой из предложенных в последнее время платформ, и все они должны обсуждаться на съезде. Но нельзя замереть в ожидании съезда, необходимо активно работать. Следует предлагать пути решения как политических, так и экономических проблем и активно бороться за их осуществление через представительство в Советах, опираясь на общественное мнение. Следует резко демократизировать процесс принятия партийных решений, нельзя допустить, чтобы мнения большинства коммунистов не находили отражения в программе деятельности партийных комитетов.

В рядах городской партийной организации не должны оставаться коммунисты, скомпрометировавшие себя в партии.

— Если коммунисты 37-го округа, где вы балотируетесь, окажут доверие представлять город на XXVIII съезде партии, о чем вы скажете с его трибуны?

— В Платформе ЦК КПСС говорится о необходимости консолидировать силы коммунистов. Конечно, объединение усилий необходимо, но как? При однопартийной системе было оправдано объединение коммунистов по производственному признаку. При многопартийности, когда будет несколько партий, трудно представить, что на одной шахте будут парткомы трех-четырех партий. И каждая из них будет вести работу. В результате — промышленному предприятию грозит превратиться в дискуссионный клуб. К тому же и на производстве порой членство сводится к уплате взносов. Взять шахту «Зенковская». Ведь в мою бытность там зам. секретаря, да и раньше, не было ни одного партийного собрания. Только конференции. Но разве в решении любых вопросов можно полагаться на съезд?

Нынче коммунист по сути является коммунистом шесть-восемь часов на производстве, а дома он закрывает глаза на все то, что неприятно его взору, и перестает быть коммунистом. Вот поэтому надо объединять не по тому, где работ-

«Сильная идея»?

В ПРОКОПЬЕВСКЕ ПО ПРИГЛАШЕНИЮ ГОРОДСКОГО РАБОЧЕГО КОМИТЕТА ПОБЫВАЛ ЧЛЕН РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПАРТИИ РАБОЧИХ АНГЛИЙСКИЙ ЖУРНАЛИСТ СИМОН ПИРАНИ

— СЕГОДНЯ в Англии насчитывается около 10 миллионов членов различных профессиональных союзов, — рассказывал Пирани. — Забастовка для Англии — обычное дело. Даже в прошлом столетии мы имели право бастовать. Правда, правительство Тэтчер пытается сегодня отнять это право у рабочих, — тут же добавил он.

Пирани — член революционной партии рабочих, а она является частью международного рабочего движения, которое когда-то было основано Львом Троцким. В Англии, кроме нее, существует много партий, и самая большая из них — лейбористская, которая имеет своих представителей и в парламенте, и в правительстве. Но настоящие интересы народа она не выражает.

Мне странно и немного удивительно, что член партии рабочих с таким уважением говорит о Троцком. У себя в Советском Союзе мы мало о нем знаем. Отрывочные сведения из газет и журналов противоречивы, а самих произведений Троцкого никто из моих сверстников и в глаза не видел. В Англии почти в любом магазине можно купить и книгу о Троцком, и брошюру самого Троцкого, но ведь и в Советском Союзе...

тоже есть несколько партий троцкистского направления. Они ведут даже вооруженную борьбу, все-таки рабочему классу приходится иногда силой брать власть в свои руки. Хотя сам Симон против индивидуально-го терроризма.

— К какому же типу государства вы нас относите?

— Раньше, в 17-м, это действительно было государство рабочих, — говорит Пирани, — но вследствие воздействия империализма оно трансформировалось и стало похоже на человека, который заболел, и следствием этой болезни стала политика бюрократии. Я думаю, что и сейчас в вашей стране все направлено против рабочих людей.

— А реально ли это — влиять на правительство? И неужели у вас, в Англии, это возможно?

— Нет, в Англии у нас рабочий класс тоже не имеет какой-то реальной власти, правительство представляет богатые люди, в основном капиталисты.

— Чувствовали ли вы поддержку советских людей во время забастовки 84-го года? — задаю я свой последний вопрос Пирани.

— Я знаю, что советские профсоюзы собрали средства для английских горняков, — говорит он. — И, ко-

КПСС, то думаю, что перестройки не произойдет, ибо она носит косметический характер. Заложенные в ней идеи даже более консервативные и центристские, чем сама идея перестройки всего общества. Вот и получается: все общество перестраивается по-коренному, а КПСС опять отстает.

КПСС не должна цепляться за власть, которая должна быть только у Советов. КПСС должна отказаться от номенклатурной системы подбора и расстановки кадров, от производственного принципа построения ее структуры, от монополии на политическое руководство и претензий на истину в последней инстанции, от нетерпимости к другим политическим течениям. Политическая власть должна быть у Советов, которые будут поощрять создание других политических партий. И политические силы должны иметь одинаковые воз-

ражения, что мы все чего-то ждем. Теперь — XXVIII съезда. Но он ничего кардинального не изменит. Единственно — произойдет раскол в партии. А надо бы сохранить единство.

Вина здесь партии в целом. Аппарат цепляется за свои кресла. Поэтому в проектах Платформы, Устава сохранена старая концепция партии с небольшими косметическими изменениями.

У рядовых коммунистов сильны иллюзии, что те, кто «наверху», изменят их жизнь.

А ситуацию можно было бы изменить, если бы все сказали решительное «нет» новому варианту старого содержания Платформы и Устава. На городской конференции я голосовал против резолюции, так как в ней — опять те же упования на силу верховной власти.

Мы учимся только на ошибках каждого предшественника, «верного ленинца». В результате

партийные комитеты. В рядах городской партийной организации не должны оставаться коммунисты, скомпрометировавшие себя. В партии, на мой взгляд, вполне допустимо разнообразие мнений и платформ, но требования к честности должны быть едины.

Меня иной раз спрашивают, не разочаровывался ли я после первых дней работы в должности первого секретаря горкома. Я отдавал себе отчет в том, какой объем работы меня ожидает, и первые дни работы стали тому подтверждением. Трудностей и проблем много, но растерянности, разочарования ни у меня, ни у многих товарищей по работе нет. Мы пришли в трудное время и приложили все силы, чтобы соответствовать требованиям этого времени.

С. П. ГУЛОВ, председатель Зенковского райсовета.

дома он закрывает глаза на все то, что неприятно его взору, и перестает быть коммунистом. Вот поэтому надо объединяться не потому, что членство в партии может помочь продвинуться по службе, а по духу. А это возможно только, когда первичные партийные организации будут формироваться по территориальному признаку. Это, кстати, поможет действительно привлечь к работе коммунистов — ветеранов труда, которые, уйдя на пенсию, утратили связь с производством, но не хотят ее утрачивать с партией.

И еще. Считаю, что партийной работой должны заниматься профессионалы: социологи, психологи, которые могли бы научно проанализировать любое политическое явление. Они же должны и заниматься социологическими исследованиями.

Подготовила
Д. КАЛИТИНА.

на секретариате, а не видел. В Англии почти в любом магазине можно купить и книгу о Троцком, и брошюру самого Троцкого, но ведь и в Советском Союзе так должно быть. Конечно же, в Англии есть люди, которых очень интересуют идеи социализма. И они хорошо знакомы с работами Троцкого. — Но необходимо помнить, что Коммунистическая партия изгнала Троцкого из своей страны, и долгое время в Англии считали Троцкого антикоммунистом, — уточняет английский журналист.

И в наше время в Англии сохранился IV Интернационал. И партия, в которой состоит С. Пирани, как раз и поддерживает это интернациональное движение.

— Идея, конечно, сильная, — говорит он. — Но о создании сильной международной рабочей партии пока мечтать рано. В 40-х годах были репрессии, и только несколько сильных лидеров выжили...

В Латинской Америке

следний вопрос Пирани. — Я знаю, что советские профсоюзы собирали средства для английских горняков, — говорит он. — И, конечно, им приятно было чувствовать поддержку рабочих другой страны. Но один из пунктов их требований был такой: чтобы помощи никакой не было. Польша, Советский Союз стали отправлять уголь в Англию, и получилось, что таким образом ваше правительство помогало нашему правительству, но не рабочим.

— Ваше мнение: лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и сегодня актуален?

— При каком бы государственном строе ни жили люди, рабочему человеку везде трудно, — ответил гость. — Поэтому нам надо устанавливать друг с другом прочные дружеские связи и поддерживать в борьбе против тоталитаризма — за свободу, права, демократию.

С. ДЕНИКИНА.

Шаги солидарности

— Ваше отношение к лозунгу «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».
Л. КАЛУТИН:

— По-моему, наш советский пролетариат не дорос до него. Во-первых, по уровню жизни, по условиям труда и производительности мы и зарубежные рабочие такие разные люди, что, пожалуй, у нас не осталось общих интересов, ради которых надо соединяться. В развитых капиталистических странах, как бы советские идеологи ни ругали буржуазный строй, многое делается в интересах человека труда. У нас этого нет. Надо, чтобы человек был не внизу, а наверху пирамиды.

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

Н. КОЛЕСНИКОВ, секретарь Центрального совета профсоюза рабочих угольной промышленности:

— Считаю, что лозунг безнадежно устарел и не отвечает требованиям сегодняшнего дня. Это историческая реликвия — не более. Все дело в интересах рабочих разных стран. Они такие разные. Демократические силы объединяются там, где есть общие интересы у всех народов. Считаю, это прежде всего — борьба за мир, оздоровление экологии. Что же касается экономических интересов трудящихся, судите сами. В интервью по телевидению американский строитель сказал: что его труд не эксплуатируют. Кстати, получает он три тысячи долларов в месяц. А в нашей стране трудяще-

гося эксплуатируют, ведь он получает лишь небольшую часть того, что зарабатывает.

Что касается крылатого выражения «Рабочему классу нечего терять, кроме своих цепей», здесь акценты тоже сместились. В нашей стране рабочий неплохо зарабатывает по отношению к другим категориям трудящихся, так что ему есть что терять. Сейчас интеллигенции нечего терять, тому же инженеру, который получает от 120 до 200 рублей. А ведь интеллигенция — это мозг любого прогрессивного движения, а рабочий класс — движущая сила.

— Какие задачи стоят перед рабочими комитетами в ближайшем будущем? Возможно, с формированием новых органов Советской власти на местах они прекратят свое существование?

Л. КАЛУТИН:

— Думаю, этого не произойдет. Рабочие комитеты не до конца выполни-

ли свою миссию организаторов рабочего движения. На шахтах поговаривают: мол, придет весна, посадим картошку — и на площадь. Причина — прошлогодней забастовкой мало чего добились. Борьба не закончилась, но для того, чтобы ее вести, не обязательно использовать забастовочные методы. Вот и нужно направить эту стихию в организованное русло.

Ф. ЗАЛЯЕВ:

— Добавлю к вопросу о движущей силе рабочего движения. В обновленный стачком на «Зиминке», например, вошли начальник участка, горный мастер и бригадир. Люди понимают, что не разбегаться надо, а объединяться с технической интеллигенцией. Эти стачкомы создаются повсеместно. В такое неспокойное время пусть во главе рабочего движения стоят люди, которые могут принять взвешенное и политически правильное решение.

Беседу провела
Н. МИХАЙЛОВА.

Литературный горизонт

Николай Клишин

Облачные проталины

Откровенней весны не бывало.
Откровенье — вот что привлекло.
По дорогам — ручьи из металла,
И лучи оплавляют стекло.
Не какая-то серая малость.
Это бешено издыбленный лед.
Было что-то — ничего не осталось.
Ничего — кто у нас отберет?
На последнем почти издыхании
Водопад громыхнул под откос.
Смысла нет ни в одном уповании.
День приходит угрюм и раскос.
Отошла, отремела мятежность,
И колышется тихо лядства.
И цветы, как последняя нежность.
Это суть моего естества.

Береженного бог бережет.
От постулков неслыханных — жалость.
Ни за что, ни про что обожжет.
Вечность, что ли, ко мне приближалась.
Выпиваю стаканы до дна
И с размаху об пол: разлетайся!
Пустоте пустота не нужна.
Сам себе отвечаю — мужайся.
Червь земной, двуединая тварь,
Ты возвыситься вздумал — до Бога,
А тебе помирать не пора ль,
Прикорнув у родного порога?
Словно камень, летишь из пращи,
Оправдания шепчешь невнятно.
И теперь, хоть рошчи, не рошчи,
Кто ты есть — никому непонятно.

Недовоспитали нас, недоучили,
Но правдив прокопьевский пейзаж.
Ночью электричество включили.
Сразу осветился город наш.
Посмотри: колдобины, канавы
И такие странные дома.
Хочется сказать: «Не надо славы,
Главное, чтоб не сойти с ума».
Посмотри, знакомая тропинка.
Под ногой шиповник...

Теперь я знаю, что минтай — не рыба,
Хотя теперь минтаю даже рад.
Я воспеваю соловьев на свалке,
Которые похожи на ворон.
Еще — в полях картофелекопалки,
Начальника, который, как Нерон.
Повсюду я унижен и обижен,
Но это, как господня благодать.
В Прокопьевске у нас — не как в Париже.
Мне видно, что другому не видать.
Порядочно поистоптали ноги,
Как на болоте, с кочки прыг да прыг.
Гремят коммунистические дроги.
Пускай гремят, я к этому привык.

Без этих драк, без этих драчек
Жизнь пошловата и скучна.
Ни забастовок нет, ни стачек —
Неинтересная весна.
Чин чинарем, трибуны мимо.
В руках заведомый плакат.
Руководители без грима,
Как будто взяты напрокат.
Под облаками голубь мира,
А в клюве — шкурка колбасы.
Звучит с трибуны: «Майна, вира!».
И громыхают в такт часы.
Старайся, молодое племя.
Вовсю, улыбками цвети.
Чешь невылезшее темя,
Поскольку нету двадцати.
Тебе пути, тебе просторы.
Шути и помни отродясь
Лжи навороченные горы
И истинную святую грязь.

Напрямую борьба не выходит —
Головой окунешься в сортир.
Потружусь на советском заводе,
Где царит всеобъемлющий мир.
Мы горою стоим — друг за дружкой.
Сзади слышу дыханье твое.
Ты поделишься честной горбушкой.

Евгений Худобин

Шиповник

1

Она окно в листву открыла
И слушала уход дождя,
Не замечая, как всходила
Над ней звезда — ее дитя.
Ночные бабочки клубились,
К звезде тянулись — и в лучах
Их тени отлетели, бились
На исцелованных плечах.
Шиповник, влагой напоенный,
Шептал о сокровенном ей,
И свет звезды новорожденной
Ласкался с матерью своей.

2

Снова этот мучительный сон!
Я ударил с разбега в ворота.
Но пустынен был мой гарнизон,
Только плачем проклацала рота.
Только два фонаря на углу
Мне в затылок туманно смотрели.
Ты стояла на том берегу
Той весны, карусели, капли.
Я бежал, я шинель на ходу
Расстегнул, задыхаясь от бега.
...Там ранет осыпался в цвет
И протягивал пальцы побегов.

Да, ты глядишь из роговиц
На этот мир, как из бойниц,
Не изрубцованною кожей
Удары держишь, а рогожей.
Не забывай, что от ветров
Нельзя беречь ни кровь, ни кров.
И мотылька от непогоды
Не сбережешь, лишьши свободы.
Ты грел, а не кормил свой слух,
И снова оставался глух,

3

Там такая цвела синева!
Сизари танцевали на арке,
Там шиповник пылал, и трава
Волновалась в заброшенном парке.
Я бежал, узнавал, догонял,
Но, опять заплутавшись в проулках,
О проклятье! — на плац выбегал
И тонул в марширующих звуках.

Вольному — воля, а мне — искупленье.
Благослови же мое преступленье,
Это — шиповник в запретной крови.
Грешница, грешника благослови!
Вольному — поле, а мне — пограничье.
Стоны, и клики, и косноязычье.
Я на ничейной лежу полосе.
Губы искусаны, руки в росе.
Я ли не жаждал немисливой воли,
Святой заточник в душевной крамоле?
Если любовь моя — рабство мое,
Благослови на гибель ее.

4

Плечо о шиповник царапнув,
С обрыва сбегу наугад...
Подернутый солнечной рыбью,
Вливается в озеро сад.
И через годы — прощальный
Твой парус блеснет вдалеке,
И волны залижут случайный
Твой след на текучем песке.

А он опять беседою пытается.
Ах, боже правый, как надоедает!
Надоедает долгая зима,
Когда от стуж готов сойти с ума.
Когда снега в душе моей не тают,
Они смертельно мне надоедают!
Когда какой-то друг за коньяком,
Болтая ни о чем и ни о ком,
Вдруг скуки ради бабочку раздавит —
Я выживу. Но как надоедает.

Посмотри: колдобины, канавы
И такие странные дома.
Хочется сказать: «Не надо славь,
Главное, чтоб не сойти с ума».
Посмотри, знакомая тропинка.
Под ногой упругая трава.
Глубина, скажу точнее—глубинка,
А потом подумаю: слова.
А под утро под стрехою внятно
Серые чирикут воробьи.
Что же для меня здесь непонятно,
В чем же здесь сомнения мои?..

Спасибо, власть Советская, спасибо!
«За все, в чем был и не был виноват».

Головой окунешь в сортир.
Погружусь на советском заводе,
Где царит всеобъемлющий мир.
Мы горюю стоим—друг за дружкой.
Сзади слышу дыханье твое.
Ты поделишься черствой горбушкой.
Ибо то, что твое — то мое.
Это равенство осточертело:
Уравнялись петух и комар.
Крикнуть хочется: слово и дело!
Где яичница, где божий дар?
Но веревка какого-то «сизма»
Стережет опрометчивый шаг.
Как ты мне надоела, отчизна.
Кто теперь я: твой друг или враг?

не забывай, что от ветров
Нельзя беречь ни кровь, ни кров.
И мотылька от непогоды
Не сбережешь, лишни свободы.
Ты грея, а не кормил свой слух,
И снова оставался глух,
Когда, рассыпав зерна, слово
Легко сторало, как полова.
Не забывай, что ты — поэт,
Что для поэта выше нет
Того, что дух его питало
И страшной пыткой пытало.

Сквозь сеть мою идут его слова,
Как мелкая и глупая плотва,

когда снега в душе жоск не таи,
Они смертельно мне надоедают!
Когда какой-то друг за коньяком,
Болтая ни о чем и ни о ком,
Вдруг скуки ради бабочку раздавит—
Я выживу. Но как надоедает.
Надоедает, если напролет
Транжиришь дни и не ведешь им счет.
Пусть за туманом светит дар
призвания,
Надоедает даже это знание!
Опять в словах застряну, как во льдах,
С самим собою буду не в ладах.
Надоедает, все надоедает,
Когда не плоть — душа недоедает...

Валерий Игнатов

Ироническим пером Прокопьевск, лето 2000 года

ПОЛДЕНЬ. Жарко. На одной из тенистых улиц на скамейке сидит полный пожилой мужчина в белых брюках и такой же рубашке с закатанными рукавами. Шуря на солнце, он изредка попивает что-то из жестяной банки. Мимо проехал «кадиллак» и остановился. Из него вышел загорелый худощавый старик с седым бобрком волос, в шортах и майке.

— Сергей! — кричит он сидящему.
— Никак, Колян! — улыбается тот и приглашает: — Садись. Ты куда это направлялся?

— Да, вот, понимаешь, — говорит худощавый, садясь. — Пиво ишу. Все объездил — нигде нет. Везде предлагают чешское, баварское, а просто разливного «Жигулевского» нет.

— А я вот этим только и живу, — кивнул собеседник на жестяную банку с названием «Бурда-Кола». — Наш дрожжевой выручает. А ты во Дворце Совета Министров был? Там опять Горбачева ждут, поди, и «Жигулевским» запаслись.

— Горбачев, Горбачев, — ворчит недовольный обладатель шортов. — Что он к нам в Прокопьевск повадился?

— Говорит, Красная площадь надоела, на вашу площадь. Шахтеров поглядишь — и умирать можно.

— А что? Наша погрузочная машина на постаменте не хуже собора Василия Блаженного. Ее ведь тоже какой-то блаженный поставил.

Помолчали.

— Надоела эта суета, — сказал старик в белой рубашке. — Раньше, до переезда правительства, как спокойно было. Один только трамвай на Тырган и ходил. А теперь? И «пежо», и «вольво», и «кадиллаки», будь они не ладны.

— А помнишь, как все началось? —

спросил тот, что Колян. — Это когда к нам Рябев с комиссией приезжал. Так ему уютно в Прокопьевске показалось, уезжал—плакал. Он потом все правительство сюда перетянул. А тут еще наш кандидат в депутаты Прокопьевск столицы России провозгласил.

— А ты сам-то зачем «кадиллак» купил? — вдруг спросил белоштанник.
— Да не себе. Жене. Она, понимаешь, совсем взбеленилась. «Я, — кричит, — как с породовойборки ушла, места себе не нахожу. Как вспомню свою родную спецовку и штаны ватные — так вить хочется. Дома, куда ни ткнешься, — то комбайн на кухне, то компьютер, везде телевизоров цветных понатолкано». Вот я и купил ей, — кивнул старик на машину. — Она пока этой модели не знает — пусть возится. А мой «вольво» в ремонте. «Дворники» заедают, — добавил он.

— Да-а, — выслушав собеседника, сказал полный. — Совсем бабы слурели. У меня внучка рожать на Гавзину улетела. Я ей предлагал в нашем шахтерском IV Управлении горадрова рожать. А она: «Не хочу в палате с искусственным морским климатом лежать».

— А что, пусть. Им, молодым, можно. А я вот недавно на Фиджи по передаче пенсионерского опыта ездил. Так поверишь — не то. Все бананы, ананасы, морской воздух. Преснота. Я как вспомню: бывало, после отпалки сбойку чистить залезешь... Эх! Никаких гавай не надо!

Старики вздохнули.

— Что пишут? — кивнул на газету худощавый.

— Тут, понимаешь, — оживился его друг. — Прибалты опять к нам просятся. А кричали: «Мы сами! Мы сами!».

— Стыд и позор. До сих пор при паспортном режиме живут, выездные визы не отменили. Уголь, и тот у нас покупают. Нищета, — подытожил бобр.

— Еще вот шахтеры бастуют, — продолжал полный.

— Чего им?

— Да не хотят зарплату в долларах получать. Рубли им подавай.

— На экзотику потянуло, — мрачно усмехнулся шортоносец.

— А еще новая экспозиция в вернисаже на Парниковке.

— Что привезли? — заерзал сухой.
— Рубенс, Рембрандт, Боттичелли.
— Опять Боттичелли. Просили же Рокотова, Нестерова, Ван Дейка, на худой конец. Эх! — махнул рукой старик. Потом спросил: — А повеселел у тебя что-нибудь есть?

— Есть. Новый сезон в кабаре имени тов. Найдова. С новой программой выступает кордебалет-студия «Положенные пластом».

— Фи.

— Что фи! Когда они в одних только касках «Шахтерочку» танцуют, все мужчины в зале встают, сидеть не могут. Их после мадерой отпивают.

— Да ты какую газету-то читаешь? — взвился худой.

— Как какую? Самую популярную — «Шахтерский плейбой».

— А мне жена не разрешает, — уныло буркнул его друг.

— Да! Ты знаешь, — перебил его толстяк, — у коммунистов из аппарата опять что-то случилось. Вчера в нашем подвале, у них там горком, опять что-то пели. Разобрал только: «Мы жертвою пали в борьбе роковой...». И плачут. Жалко ребят...

— А что жалко? Их никто не ущемляет. Шестую статью о запрете их партии отменили же.

— Все равно жалко. Они и улицы помогают озеленять, и гербарий с ребятами собирают. Надо будет в совете ветеранов хлопотать, чтобы им комнатенку какую-нибудь дали.

Тут что-то щелкнуло в нагрудном кармане толстяка, и женский голос запричитал: «Ну вот! Опять он сидит. На Аляске моржовую кость выкинули, а нам опять не достанется. А ну, живо! Я самолет заказала через полчаса».

Интересное рядом

Феномен Максимова

САМОПОЗНАНИЕ — ПУТЬ К ИСТИНЕ?

ПОВОДОМ для этой встречи послужил отзыв одного врача об уникальной способности молодого мужчины из Новокузнецка видеть человека... насквозь. В прямом значении этого слова. Когда двадцатидвухлетний Александр Максимов находился на лечении в Прокопьевской инфекционной больнице, этим псевдонимом гастритом, респиратором и некоторыми другими болезнями. По их просьбе «странный» больной безошибочно определял состояние внутренних органов, хронические заболевания «пациентов», перенесенные ими людьми операции. Сопоставление? Возможно. По словам самого А. Максимова, он обследовал таким обра-

зом около 270 человек, в основном медиков. Это люди-профессионалы, знакомые со своими болезнями, легко могли сопоставить состояние своего здоровья с той информацией, которую получали от А. Максимова. Чаще всего она совпадала. «Где-то мы об этом уже слышали», — предвижу скептические лица читателей.

Но не будем делать выводов. Этим должны заниматься психиатры, невропатологи, специалисты, которых заинтересует феномен А. Максимова.

А пока мы решили опубликовать интервью с Александром, который оказался интересным собеседником.

— АЛЕКСАНДР, расскажи, как это все началось. Связываешь ли ты в себе открытие «рентгеновских» способностей с какой-то травмой?

— Начну с последнего. Травм душевных и физических было в моей жизни так много, что затрудняюсь сказать, какая из них повлияла на мою способность чувствовать (именно чувствовать, а не только видеть) человека. Да и повлияла ли?

Обнаружил в себе это качество примерно год назад. Серьезно стал анализировать явление в последние полгода. Отношусь к этому нормально.

— Ты сказал, это чувствуешь человека. Поделись, пожалуйста, проявлениями своего видения и ощущения. Внутренние органы человека, к примеру, выглядят, как на рентгеновском снимке или иначе? Можешь ли ты уловить настроенное, внутреннее состояние человека?

— Это невозможно понять дилетанту. Меня может понять только тот, кто обладает таким же даром, как я. Человека я воспринимаю в

комплексе, ощущаю его биополе. Рентгеновский луч видит избирательно, я вижу объемно, в цвете. Причем всегда пытаюсь понять человека. Не думайте, что способность видеть его сопровождает меня постоянно, чем бы я ни занимался. Для того, чтобы проникнуть во внутренний мир человека, ощутить его биополе, мне нужно сильно захотеть, чтобы это получилось. Такая «работа» требует большого напряжения головного мозга, поэтому устаю.

— Александр, расскажи немного о себе. Чем увлекался в детстве, кем мечтал стать? Чем интересуешься сейчас? Какие у тебя планы на будущее? Не считаешь ли возможным помочь медицине в связи с открытием в себе уникальной способности?

— Во-первых, не надо называть уникальной мою способность видеть биополе человека, таких людей немало: их насчитывается более 50 тысяч. Хочу вас разочаровать: мое детство было нормальным, ничего необычного в моей жизни не происходило. Увлекался хоккеем, радиотехни-

кой, фотографией, музыкой. Чем только не увлекался! Служил в Афганистане. Сейчас работаю слесарем-наладчиком на новокузнецком заводе «Сантехлит». Увлечений по-прежнему много. Очень люблю музыку Баха, Бетховена, Паданини и других классиков. Люблю и современную му-

зыку, песни. Вообще органная музыка отвечает моему душевному состоянию, песни Высоцкого — моральным принципам. Например, всех людей я разделяю, как и Высоцкий в своей песне, на тех, с кем бы пошел в разведку, с кем — нет.

Кем я стану, это пока секрет, одно знаю: мой дар должен принести людям пользу.

— А как ты оцениваешь себя?

— В семье не без урода! — вот что могу сказать о себе. В семье нас росло трое детей, я — единственный с какими-то странными особенностями. У меня складываются с людьми не всегда нормальные отношения. Есть очень много надежных друзей, но есть и недоброжелатели. Дело в том, что я вижу человека и говорю ему правду, чего он стоит. Это, конечно же, не всем нравится. Память у меня хорошая. Единственное, в чем путаюсь, — в именах, фамилиях, датах. Зрение очень острое. Не случайно в армии был хорошим снайпером, ходил в разведку. Вообще-то мне надо бы родиться лет через 70—80. Дело в том, что то качество, которым я обладаю, — самовыражение, — будет заложено в каждом человеке.

— Как ты относишься к иррациональному миру, веришь ли в существование высших цивилизаций?

— Верю в бога, но не как в какую-то догму, а в высшее, духовное начало в нас самих. Верю в экстрасенсов. Сам инопланетян не видел, но вполне допускаю существование их цивилизации.

Знаете, если бы я жил в другой стране, наверное, мое видение человека давно бы заметили и использовали в мирных целях. У меня тоже есть стремление помочь людям. Но я сам пока не разобрался в себе, не дал объяснение своим ощущениям. Нака-то пока в растерянности! Так что приходите лет через 15—20. Тогда я определенно смогу рассказать о своем даре.

Интервью взяла
Н. ФОМИНА.

На снимке: А. Максимов.

Фото Н. Бабарикского.

